

Жюль Верн, Андре Лори

ПЯТЬСОТ МИЛЛИОНОВ
БЕГУМЫ

Перевод с английского
Марии Богословской

ФТМ

Жюль Верн

Пятьсот миллионов бегумы

«ФТМ»

1879

Верн Ж. Г.

Пятьсот миллионов бегумы / Ж. Г. Верн — «ФТМ», 1879

ISBN 978-5-4467-0596-2

«Пятьсот миллионов бегумы» – научно-фантастический роман, написанный в соавторстве с Андре Лори, участником Парижской коммуны, публицистом и писателем. Бегума Гокооль, вдова богатейшего индийского раджи, финансирует строительство двух городов в Соединенных Штатах Америки – Штальштадта и Франсевиля. Строительство успешно завершается, однако дело принимает непредсказуемый оборот, когда правитель Штальштадта решает уничтожить Франсевиль вместе с его основателем и начинает готовиться к войне.

ISBN 978-5-4467-0596-2

© Верн Ж. Г., 1879

© ФТМ, 1879

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Жюль Верн, Андре Лори

Пятьсот миллионов бегумы

Глава первая

Мы знакомимся с мистером Шарпом

– А хорошо работают английские газеты! – воскликнул доктор, откидываясь на спинку глубокого кожаного кресла.

У доктора вошло в привычку разговаривать с самим собой, – это было для него своего рода отдыхом.

Доктору Саразену минуло пятьдесят лет. Его ясные живые глаза на тонко очерченном лице серьёзно и в то же время приветливо смотрели из-за очков в стальной оправе. Всякому, увидавшему это лицо, невольно хотелось сказать: какой хороший человек!

Несмотря на ранний час, доктор уже был во фраке с белым галстуком, и щеки его были гладко выбриты.

В комнате, где он сидел, в большом номере гостиницы в Брайтоне, всюду были разбросаны газеты: «Таймс», «Дейли телеграф», «Дейли ньюс» лежали на столе, на креслах и даже на полу, на ковре. Часы только что пробили десять, а доктор уже успел осмотреть город, побывать в больнице и, возвратившись к себе в номер, прочесть в нескольких крупных лондонских газетах подробный отчёт о своём докладе, с которым он два дня тому назад выступал на международном гигиеническом конгрессе. Темой этого доклада было его изобретение – счётчик кровяных шариков.

Перед доктором на подносе, покрытом белой салфеткой, дымилась чашка горячего чая, а рядом на тарелке лежала только что снятая со сковородки котлетка и поджаренные гренки, которые с таким искусством готовят английскиестряпухи из специальных маленьких хлебцев, выпекаемых английскими булочниками.

– Да, – повторил доктор Саразен, – газеты Великобритании работают превосходно, ничего не скажешь. Речь вице-президента, ответ доктора Чиконья из Неаполя, изложение моего доклада – все схвачено на лету, прямо-таки сфотографировано. Вот оно: «Слово представляется доктору Саразену из Дуэ. Уважаемый член конгресса делает свой доклад на французском языке. Прежде чем приступить к докладу, он обращается к аудитории со следующими словами: «Прошу извинения у моих слушателей за то, что я разрешаю себе эту вольность, но вам, вне всяких сомнений, будет легче понять мой язык, чем мне изъясняться по-английски...» И дальше пять столбцов петитом – изложение моего доклада. Трудно сказать, какой отчёт лучше: «Таймса» или «Дейли телеграф». Точность и чёткость удивительные!

В то время как доктор предавался этим размышлениям, в дверь постучали, и на пороге появился старший коридорный, который в своём безупречном чёрном фраке выглядел по меньшей мере церемониймейстером. Он осведомился, можно ли видеть «монсью», и подал ему визитную карточку. Англичане полагают своим долгом величать французов «монсью», так же как у них считается правилом вежливости называть всякого итальянца «синьор», а немца «герр». Возможно, они и правы, так как эта условность имеет одно несомненное преимущество: сразу определяет национальность данного лица.

Доктор Саразен, крайне удивлённый, что в этом городе, где у него не было ни одной знакомой души, кто-то явился к нему с визитом, взял с подноса визитную карточку и с ещё большим удивлением прочёл следующее:

Мистер Шарп – стряпчий.

93, Саутгемптон-роу, Лондон.

Он знал, что стряпчий соответствует французскому «поверенному», или, вернее, профессиональному законнику смешанного типа, представляющему собой нечто среднее между поверенным, нотариусом и адвокатом.

«Какого черта надо от меня этому господину Шарпу? – подумал доктор Саразен. – Может, я, сам того не зная, уже впутался в какое-нибудь грязное дело?»

– Вы уверены, что это ко мне? – спросил он.

– О да, монсью, несомненно.

– Ну что ж, просите.

Церемониймейстер распахнул дверь и пропустил в комнату весьма странного субъекта, которого доктор с первого взгляда мысленно окрестил «мёртвой головой». Это был ещё не старый человек с маленькими серыми, пронизывающими насквозь глазками, с тонкими, словно высохшими губами, которые, раздвигаясь, обнажали ряд длинных белых зубов; впалые щеки, обтянутые пергаментной кожей, и землисто-серый цвет лица придавали ему сходство с египетской мумией, и все вместе взятое как нельзя более соответствовало определению доктора. Его тощая фигура с головы до пят исчезала под широким клетчатым, похожим на балахон пальто. В руке он держал дорожный саквояж из лакированной кожи.

Войдя в комнату, он быстро поклонился, поставил на пол свой саквояж и цилиндр и, усевшись без приглашения, отрекомендовался.

– Уильям-Генри Шарп младший, компаньон фирмы «Биллоус, Грин, Шарп и К°». Я имею честь видеть доктора Саразена?

– Да, сударь.

– Франсуа Саразен, не так ли?

– Вот именно.

– Из Дуэ?

– Да, я живу в Дуэ.

– Отца вашего звали Исидор Саразен?

– Совершенно верно.

– Итак, его звали Исидор Саразен...

Мистер Шарп вынул из кармана записную книжку, заглянул в неё и продолжал:

– Исидор Саразен умер в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году в Париже на улице Таран шестого округа, в доме пятьдесят четыре, в здании, где помещалась школа, которое ныне снесено.

– Все это так, – сказал доктор, все более удивляясь, – но не объясните ли вы мне...

– Мать его была Жюли Ланжеволь, – невозмутимо продолжал Шарп, – родом из Барле-Дюк, дочь Бенедикта Ланжеволь, проживавшего в тупике Лориоль и, как значится по книге гражданских актов вышеупомянутого городка, скончавшегося в тысяча восемьсот двенадцатом году. Эти книги записей – в высшей степени драгоценное установление, мосье, поистине драгоценное. Гм... гм... у Жюли Ланжеволь был брат Жан-Жак Ланжеволь, тамбурмажор тридцать шестого артиллерийского полка.

– Признаюсь вам, – перебил доктор Саразен, изумлённый глубоким знанием его генеалогии, – вы, по-видимому, лучше меня осведомлены обо всех этих подробностях. Действительно, фамилия моей бабушки была Ланжеволь, но это всё, что я о ней знаю.

– В тысяча восемьсот седьмом году она покинула город Бар-ле-Дюк с вашим дедом Жаном Саразеном, с которым она в тысяча семьсот девяносто девятом году вступила в брак. Они обосновались в городе Мелоне и открыли там скобяную торговлю. Здесь они жили до тысяча восемьсот одиннадцатого года, года смерти Жюли Ланжеволь, по мужу Саразен. От их брака был всего один ребёнок – Исидор Саразен, ваш отец. Здесь генеалогическая нить прерывается, и у нас имеется только дата смерти вашего отца. Эту дату нам удалось установить в Париже.

– Я могу помочь вам связать концы, – сказал доктор, невольно воодушевляясь этой поистине математической точностью. – Мой дед поселился в Париже, чтобы дать образование своему сыну, избравшему себе профессию врача. Он умер в тысяча восемьсот тридцать втором году, в городке Палезо, близ Версаля, где практиковал мой отец и где я сам появился на свет в тысяча восемьсот двадцать втором году.

– Вот вас-то я и ищу! – воскликнул мистер Шарп. – У вас нет ни братьев, ни сестёр?

– Нет, я был единственным ребёнком, и моя мать умерла, когда мне было всего два года.

Но разрешите узнать, сударь...

Мистер Шарп торжественно поднялся со своего кресла.

– Сэр Бриа Иовагир, баронет¹ Мотороната, – сказал он, произнося это имя с тем уважением, какое чувствуют англичане ко всякому титулу, – я счастлив, что разыскал вас и что я первый могу засвидетельствовать вам моё почтение.

«По-видимому, это какой-то сумасшедший, – подумал доктор. – Явление, весьма распространённое среди таких экземпляров типа «мёртвой головы».

Поверенный прочёл этот диагноз в глазах своего собеседника.

– Я отнюдь не сумасшедший, – спокойно ответил он. – Разрешите сообщить вам, что вы в настоящее время являетесь единственным бесспорным наследником титула баронета, пожалованного по представлению генерал-губернатора Бенгальской провинции Жан-Жаку Ланжеволю, принявшему в тысяча восемьсот девятнадцатом году английское подданство и унаследовавшему после смерти своей жены, бегумы² Гокооль, её состояние. Ваш дед умер в тысяча восемьсот сорок первом году, оставив после себя только одного сына, который, будучи слабоумным от рождения, был признан неправомочным и умер в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году, не оставив ни потомства, ни завещания. Тридцать лет тому назад наследство вашего деда оценивалось примерно в пять миллионов фунтов стерлингов. Оно находилось под секвестром и опекой ещё при жизни слабоумного сына Жан-Жака Ланжеволя. В тысяча восемьсот семидесятом году наследство это вместе с наращёнными процентами достигло пятисот двадцати пяти миллионов франков. По постановлению Королевского британского суда в Агре, утверждённому палатой в Дели и введённому в действие Тайным советом³, движимое и недвижимое имущество было продано, драгоценности обращены в деньги и весь капитал передан на хранение в Английский банк. В настоящее время этот капитал равняется пятистам двадцати семи миллионам франков, которые вы можете получить по обыкновенному чеку, после того как представите в канцелярский суд данные о вашей родословной. Для этого я предлагаю вам свою юридическую помощь и рекомендацию к банкирской конторе «Троллоп, Смит и К^о», которая ссудит вас в счёт вашего наследства любой суммой.

Ошеломлённый доктор Саразен несколько секунд не мог выговорить ни слова, но, наконец, критическая жилка в нём взяла верх, и рассудок его запротестовал против этой сказки из «Тысячи и одной ночи», которую ему подносили в качестве непреложного факта.

---

¹ **Баронет** – английский наследственный титул.

² **Бегума** – один из титулов индийских владетельных княгинь.

³ **Тайный совет** – юридически высшее в Англии правительственное учреждение, так как совет министров является лишь органом Тайного совета. Практически никогда не собирается. Члены Тайного совета, куда входят настоящие и бывшие министры, носят титул «достопочтенный».

– Но позвольте, сударь... Какие доказательства вы можете привести в подтверждение рассказанной вами истории и каким образом вы напали на мой след?

– Доказательства при мне, – ответил мистер Шарп, похлопывая по своему саквоюжу. – Что же касается того, как я напал на ваш след, – в этом нет ничего удивительного. Вот уже пять лет, как я вас разыскиваю. Отыскивать наследников, или, как говорится в нашем английском законодательстве, ближайших родственников, для введения их в права наследования, в тех случаях, когда наследство отходит в казну, – это специальность нашей фирмы. Наследством бегумы Гокооль мы занимаемся уже пять лет. Где мы только не вели розысков! Сотни семей Саразен изучены нами со всей тщательностью, но среди них нет ни одной, связанной с Исидором Саразеном. Я уже было пришёл к убеждению, что во Франции нет больше ни одного Саразена, и вдруг вчера утром, просматривая в «Дейли ньюс» отчёт о заседании гигиенического конгресса, наткнулся на доктора Саразена, который каким-то образом выпал из моего поля зрения. Перерыв все свои заметки и карточки, заведённые нами по делу об этом наследстве, я с удивлением обнаружил, что город Дуэ ускользнул от нашего внимания. Чувствуя, что я наконец напал на верный след, я в тот же день отправился в Брайтон и увидел вас, когда вы выходили из залы заседаний конгресса; тут уж я убедился окончательно. Вы живая копия вашего деда Ланжеволя, если судить по снимку с портрета, принадлежащего кисти индийского художника Саранони. Вот он – посмотрите.

Мистер Шарп вынул из записной книжки фотографическую карточку и передал её доктору. Фотография изображала рослого мужчину, с роскошной бородой, в тюрбане с бриллиантовой эгреткой⁴, в парчовой мантии, расшитой зелёным шёлком, и в той специфической позе, в какой на старинных портретах принято изображать генералов: он подписывает приказ о наступлении и смотрит прямо перед собой. На заднем плане в дыму сражения мчится в атаку конница.

– Вот эти бумажки лучше меня расскажут вам всю историю, – сказал мистер Шарп, вытаскивая из недр своего саквоюжа несколько папок и связки бумаг, частью печатных, частью написанных от руки. – Я вам оставлю их и, если позволите, вернусь через два часа.

С этими словами мистер Шарп положил бумаги на стол и, пятясь задом, направился к двери, низко кланяясь и бормоча на ходу:

– Честь имею откланяться, сэр Бриа Иовагир Мотороната.

Наполовину убеждённый, но вместе с тем с некоторым скептическим недоумением, доктор Саразен взял лежавшую сверху папку и начал просматривать документы. Достаточно было беглого взгляда, чтобы его сомнения рассеялись, ибо вся эта невероятная история подтверждалась от слова до слова. Да и как было сомневаться, имея перед глазами хотя бы следующий документ:

«На рассмотрение досточтимым лордам Тайного совета представлено по делу о наследстве, оставшемся после бегумы Гокооль из Раджинара, провинция Бенгали, пятого января тысяча восемьсот семидесятого года. Краткое содержание дела. Касательно наследства, оставшегося после смерти бегумы Гокооль из Раджинара и заключающегося в сорока трех тысячах акров⁵ пахотной земли, угодьях, селениях и различных постройках, как-то: дворцах, службах и прочее, а также в движимом имуществе, как-то: драгоценностях, домашней утвари, оружии, и проч. и проч. Из отношений, представленных последовательно в гражданский суд в городе Агра и в верховный суд в Дели, явствует, что в тысяча восемьсот девятнадцатом году бегума Гокооль, вдова раджи Лукмиссура, наследовавшая после его смерти значительное состояние, вторично вступила в брак с иностранцем Жан-Жаком Ланжеволем, французом по происхож-

---

⁴ **Эгретка** (или эгрет) – вертикально поставленное перо или пучок перьев, украшающих головной убор. Драгоценный камень в эгретке – признак богатства или знатности.

⁵ **Акр** – земельная мера в Англии и Америке, равная 4047 кв. м.

дению. Сей последний до тысяча восемьсот пятнадцатого года служил во французской армии тамбурмажором, в чине унтер-офицера тридцать шестого артиллерийского полка, а по расформировании Луарской армии поступил в Нанте на коммерческое судно в качестве судового клерка.

Прибыв в Калькутту, он направился в глубь страны и занял должность офицера-инструктора в маленькой армии, оставленной радже Лукмиссуру. Быстро продвигаясь по службе, он вскоре был назначен командующим этой армией, а спустя некоторое время после смерти раджи сочетался браком с его вдовой. В связи с некоторыми соображениями колониальной политики и принимая во внимание значительные услуги, оказанные в критический момент Жан-Жаком Ланжеволем европейцам, живущим в Агре, генерал-губернатор Бенгальской провинции ходатайствовал о предоставлении мужу бегумы, перешедшему в британское подданство, титула баронета. Владения её, таким образом, были обращены в майорат⁶. В тысяча восемьсот тридцать девятом году бегума умерла, оставив всё своё состояние мужу, который пережил её всего на два года. От их брака остался один сын, слабоумный от рождения. После смерти родителей он был отдан под опеку, из-под которой не выходил до самой смерти, следовавшей в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году. Наследников оставшегося громадного состояния не объявилось, в силу чего гражданский суд в Агре и верховный суд в Дели, по ходатайству местных властей, постановили продать вышеозначенное имущество с аукциона. Настоящим имеем честь ходатайствовать перед лордами Тайного совета об утверждении решений обоих судов и проч. и проч.». Следуют подписи.

Копии, удостоверенные судом в Агре и Дели, акты продажи, приказы о помещении капитала в Английский банк, свидетельства о розыске наследников Ланжеволя во Франции и целая кипа подлинных официальных документов рассеяли последние сомнения доктора Саразена. Он был поистине «ближайшим родственником», единственным и неоспоримым наследником бегумы. Достаточно выполнить кое-какие формальности, представить метрическое свидетельство и выписку о смерти родителей, и миллионы, покоящиеся в подвалах Английского банка, перейдут в его руки.

Столь неожиданно свалившееся богатство могло нарушить душевное равновесие самого хладнокровного человека, и доктор невольно поддался охватившему его волнению. Но оно продолжалось недолго и выразилось только в том, что доктор в течение нескольких минут быстро шагал взад и вперёд по комнате. Однако вскоре он овладел собой и, упрекнув себя за минутную слабость, уселся в кресло и погрузился в глубокое раздумье. Внезапно он вскочил и снова зашагал по комнате, но теперь глаза его радостно сияли. Казалось, его осенила какая-то благородная идея и он, воодушевившись, обдумывает, как лучше осуществить её, и, наконец, с удовлетворением принимает.

В эту минуту в дверь постучали. Вернулся мистер Шарп.

– Простите мне мои сомнения, – дружески обратился к нему доктор Саразен. – Теперь я уже окончательно уверовал. Нет слов выразить вам мою благодарность, я чувствую себя безгранично обязанным вам за все ваши хлопоты.

– Ну что вы... Самое обыкновенное дело... Ведь это моё ремесло, – ответил мистер Шарп. – Могу ли я надеяться, что сэр Бриа разрешит мне считать его моим клиентом?

– Само собой разумеется. Я все передаю в ваши руки. У меня к вам только одна просьба: не величайте меня, пожалуйста, этим нелепым титулом.

«Нелепым! Титул, который приносит вам двадцать один миллион фунтов стерлингов!» – как бы говорила физиономия мистера Шарпа. Но он был достаточно тонкий дипломат и с полной готовностью ответил:

---

⁶ **Майорат** – феодальная система наследования, при которой земельное владение со всем имуществом переходит безраздельно к старшему сыну или к старшему в роде.

– Как вам будет угодно. Вы хозяин – я ваш слуга. С вашего разрешения, я теперь немедленно вернусь в Лондон и там буду ждать ваших распоряжений.

– Могу я оставить у себя эти бумаги? – спросил доктор Саразен.

– О, конечно! У нас есть копии.

После ухода мистера Шарпа доктор уселся за письменный стол и, положив перед собой лист почтовой бумаги, принялся писать:

«Брайтон

28 октября 1871 года

Дорогой мой мальчик! На нас свалилось богатство, огромное, чудовищное, невероятное! Не думай, что я сошёл с ума, и прочти эти документы, которые я прилагаю к письму. Из них ты увидишь, что я унаследовал титул английского или, вернее, индийского баронета и состояние свыше полумиллиарда франков, хранящееся в настоящее время в Английском банке. Я заранее знаю, мой милый Октав, с каким чувством ты примешь это известие. Ты так же, как и я, поймешь, какие серьезные обязанности возлагает на нас такое богатство и какими опасностями угрожает оно нашему здравому смыслу. Я узнал об этом всего час тому назад, и вот уже мысль о той огромной ответственности, которая легла на нас, наполовину заглушает радость, которую я испытал в первое мгновение, думая о тебе. Не будет ли эта перемена в нашей судьбе роковой для нас обоих? Скромные труженики науки, мы были так счастливы в нашей безвестности. Будем ли мы так же счастливы и впредь? Возможно, что и нет, если только... Я даже не решаюсь поделиться с тобой мыслью, которая у меня сейчас возникла, но мне кажется, мы только тогда сможем быть счастливы, если сумеем обратить это богатство в новый могущественный двигатель науки, в мощное орудие цивилизации... Но мы ещё поговорим об этом. Напиши мне скорее, какое впечатление произвела на тебя эта великая новость, и сообщи её маме. Я уверен, что она, как женщина рассудительная, отнесётся к этому спокойно. Что же касается твоей сестрёнки, то она ещё слишком молода, и можно не опасаться, что у неё от такого известия закружится голова... К тому же у неё такая трезвая головка, что, если она даже и вполне поймёт, что означает это событие, её меньше всех нас смутит такая перемена в нашей судьбе. Крепко жму руку Марселю. В моих планах на будущее он занимает особое место.

Любящий тебя отец

Ф. Саразен».

Доктор закончил письмо, вложил его вместе с несколько наиболее убедительными документами в конверт и надписал адрес: «Господину Октаву Саразену, студенту Центральной школы прикладных искусств, дом номер тридцать два, улица Руа-де-Сесиль. Париж», затем надел шляпу, пальто и отправился на заседание конгресса. Четверть часа спустя этот скромный человек забыл и думать о своих миллионах.

Глава вторая

Приятели

Октава Саразена, сына доктора, нельзя было назвать совершенным лентяем. Он был не то чтобы глуп, но и не особенно умён; не отличался ни красотой, ни уродством. Ростом не велик, не мал, нечто среднее между блондином и брюнетом, Октав был, что называется, самым заурядным молодым человеком.

В школе он всегда получал вторые награды, иногда похвальный лист, а в его бакалаврском дипломе было отмечено: «удовлетворительно». В Центральную школу он первый раз не прошёл по конкурсу, а во второй раз попал сто двадцать седьмым. Словом, Октав Саразен принадлежал к числу тех легковесных молодых людей, которые, не углубляясь ни во что, не обладают никакими серьёзными знаниями, обо всём судят приблизительно и скользят по жизни, как лунный свет по поверхности земли.

Такие люди в руках судьбы подобны поплавку на гребне морской волны. Подует ветер с севера – его потянет к экватору, подует с юга – он поплывёт к полюсу. Будущность, карьера таких людей зависят от случая. Если бы доктор Саразен не пребывал в счастливом заблуждении относительно характера своего сына, он призадумался бы, прежде чем написать ему такое письмо, но родительскому ослеплению подвержены и самые умные люди...

К счастью для Октава, он, ещё будучи в школе, подпал под влияние своего товарища, натуры энергичной, несколько властной, но чьё воздействие на него было, несомненно, благотворным.

В лицее Шарлемань, куда доктор Саразен поместил сына после подготовительной школы, Октав подружился с одним из своих одноклассников, эльзасцем, по имени Марсель Брукман, который, будучи моложе его на год, превосходил Октава не только физической силой, но и умственными способностями и твёрдостью характера, благодаря чему сумел подчинить его себе. Оставшись сиротой двенадцати лет, Марсель получил небольшое наследство, доходы с которого целиком уходили на его учение. Если бы не Октав, который каждый год брал его к себе домой на каникулы, Марсель был бы обречён на безвыходное сидение в стенах лицея. Семья доктора Саразена стала для юного эльзасца как бы родной семьёй. Пылкий по натуре, при всей своей кажущейся холодности юноша горячо привязался к этим добрым людям, заменившим ему отца и мать. Он обожал доктора, его жену и их маленькую, но уже серьёзную дочурку. Чувства свои Марсель выражал поступками, а не словами. Он с удовольствием занимался с Жанной, которая с раннего возраста обнаруживала любовь к знанию и обещала стать умной, здравомыслящей девушкой; и в то же время он поставил себе задачей сделать и Октава достойным своего отца. Сказать правду, эта задача оказалась значительно трудней, так как Октав отнюдь не обладал ценными качествами своей сестры, однако Марсель дал себе слово достигнуть цели.

Это был решительный и настойчивый юноша, один из тех смелых и упорных борцов, которыми Эльзас пополняет из года в год славные парижские ряды тружеников науки. Ещё ребёнком он отличался выносливостью, физической силой и живостью ума. Натура волевая, мужественная, он и внешне производил впечатление человека энергичного и стойкого. В школе он стремился достичь совершенства во всем, что входило в круг его занятий, будь то игры, состязания, гимнастика или лабораторные опыты. Если он в конце года не получал первой награды, он считал этот год потерянным. В двадцать лет это был рослый, вполне сложившийся юноша с прекрасной мускулатурой, с неутомимой энергией и твёрдой волей. Поистине совершенный механизм сложного органического устройства, с максимумом напряжения

и отдачи. Люди наблюдательные невольно останавливали взгляд на этом задумчивом, выразительном лице.

В Центральную школу, куда он держал экзамены вместе с Октавом, он прошёл вторым по конкурсу, но твёрдо решил окончить её первым. Октав смог выдержать вступительные экзамены только благодаря исключительной настойчивости и рвению своего друга. В течение целого года Марсель заставлял Октава работать, заражая его своей энергией, которой хватало да двоих. Он относился к этой слабой, нерешительной натуре с какой-то покровительственной жалостью; такое чувство мог бы испытывать лев к беспомощному щенку. Ему доставляло удовольствие поддерживать избытком своей силы это хилое растение и видеть, как оно развивается и приносит плоды.

Война тысяча восемьсот семидесятого года⁷ застигла наших друзей во время экзаменов. На другой же день после того как последний экзамен был сдан, Марсель, исполненный патриотических чувств, которые не позволяли ему оставаться в стороне в то время, как над Страсбургом и Эльзасом нависла тяжёлая угроза, записался волонтёром в тридцать первый стрелковый полк. Октав тотчас же последовал его примеру. Плечо к плечу сражались они на аванпостах Парижа в суровые дни осады. Под Шампиньи Марсель был ранен в правую руку, а за битву под Бузенвалем получил нашивку. Октав не получил ни раны, ни нашивки. Так уж это вышло само собой. Он всегда следовал за своим другом в атаку и отставал от него только на каких-нибудь пять-шесть метров, но... эти-то шесть метров решали все.

После заключения мира они вернулись к своим занятиям и поселились в двух смежных меблированных комнатах в скромном особняке, недалеко от школы. Несчастья, перенесённые Францией, и отделение Эльзаса и Лотарингии оставили в душе Марселя глубокий след и ещё больше закалили его.

– Первый долг французской молодёжи, – говорил он Октаву, – исправить ошибки своих отцов. И достичь этого она может только неустанным трудом.

Каждый день Марсель просыпался в пять часов и тотчас же поднимал Октава. Они вместе садились заниматься, затем отправлялись на лекции и в течение всего дня не расставались ни на минуту. Вернувшись из школы домой, они снова принимались за работу и отрывались от неё только, чтобы дать себе маленькую передышку – выкурить трубку или выпить чашку кофе. В десять часов, удовлетворённые сознанием полезно проведённого дня, они уже лежали в постели. Время от времени они позволяли себе скромные развлечения: партию на бильярде, изредка театр или концерт в консерватории, прогулку верхом или пешком в окрестностях Парижа и два раза в неделю урок фехтования и бокса.

Случалось, что Октав иногда восставал против этого режима и стремился к более легкомысленным развлечениям: он предлагал пойти к Аристиду Леру, который большую часть времени проводил в кабачке Сен-Мишель. Но Марсель так ядовито высмеивал его фантазии, что обычно они так и не приводились в исполнение.

Двадцать девятого октября тысяча восемьсот семьдесят первого года около семи часов вечера приятели сидели, по обыкновению, рядом за столом, освещённым лампой с зелёным абажуром. Марсель был поглощён решением задачи по начертательной геометрии, о сечениях камня. Октав тоже был поглощён занятием, правда не столь отвлечённого свойства, но зато вполне отвечавшим его вкусам: он священнодействовал над приготовлением кофе; он очень гордился своим искусством варить кофе, возможно потому, что эта отрадная процедура позволяла ему ежедневно хоть на несколько минут оторваться от ненавистных уравнений, которыми Марсель, как ему казалось, слишком злоупотреблял. Медленно процеживая через густой слой душистого мокко тонкую струю кипятка, Октав от души наслаждался этим мирным занятием,

---

⁷ «Война тысяча восемьсот семидесятого года». – Речь идёт о франко-прусской войне (1870–1871), в ходе которой произошло падение Второй империи во Франции и завершилось объединение Германии под главенством Пруссии.

но, когда взгляд его упал на склонившегося над тетрадью Марселя, он почувствовал угрызения совести и непреодолимое желание помешать товарищу, который был для него словно живым укором.

– А не мешало бы нам завести кофейник с фильтром, – неожиданно изрёк Октав, – это древнее сооружение в наш цивилизованный век годится разве что в антикварный магазин.

– Вот-вот, купи кофейник с фильтром, – поддержал Марсель, – тогда, может быть, тебе не придётся каждый вечер тратить часы на эту стряпню. Итак, – невозмутимо продолжал он, возвращаясь к своей задаче, – внутренняя, вогнутая сторона свода представляет собой трехосный эллипсоид с тремя неравными осями. Пусть A, B, C, E есть исходный эллипс, которому принадлежит большая ось OA , равная a , и средняя ось OB , равная b , тогда как малая ось эллипсоида $OO''C''$ вертикальна и равна c , что делает свод покатым...

В эту минуту в дверь постучали.

– Письмо господину Октаву Саразену, – сказал мальчик-рассыльный.

Октав с радостью выхватил у него из рук письмо.

– Это от отца, узнаю его почерк! Ба, да тут, оказывается, целое послание! – весело тараторил он, подбрасывая на руке толстый пакет.

Марсель, разумеется, как и Октав, знал, что доктор сейчас находится в Англии. Неделию назад, остановившись проездом в Париже, доктор устроил им настоящее пиршество Сарданапала в Пале-Рояле, некогда знаменитом, но теперь уже вышедшем из моды ресторане, который он и поныне считал непревзойдённым образцом изысканного парижского вкуса.

– Ты мне прочтёшь, что он пишет о гигиеническом конгрессе, – сказал Марсель, не отрываясь от своей задачи. – Это он хорошо придумал – поехать туда. Наши французские учёные слишком уж замкнутый народ... Итак, значит, внешняя сторона свода будет образована эллипсоидом, подобным первому; центр его находится выше O' , на вертикальной прямой OO' . Наметив фокусы E_1, E_2, E_3 трех основных эллипсов, мы чертим вспомогательные эллипс и гиперболу, общие оси которых...

Громкий возглас, вырвавшийся у Октава, заставил Марселя поднять голову.

– Что такое? – спросил он, с беспокойством глядя на внезапно побледневшее лицо товарища.

– На, прочти, – с трудом вымолвил Октав, совершенно ошеломлённый полученным известием.

Марсель взял письмо, внимательно прочёл его с начала до конца, потом пробежал ещё раз, просмотрел приложенные документы и сказал:

– Любопытная история!

Затем он не спеша набил свою трубку и старательно начал раскуривать её. Октав с нетерпением ждал, что он ещё скажет.

– Ты думаешь, все это правда? – спросил он наконец, задыхаясь от волнения.

– Очевидно! У твоего отца слишком трезвый и критический ум, чтобы он мог бездоказательно принять подобную историю. Да и доказательства здесь налицо. В конце концов все это объясняется очень просто.

Раскурив трубку, Марсель снова погрузился в свои вычисления. Октав сидел не двигаясь, словно остолбенев: он забыл и думать о кофе, он вообще потерял способность думать, но испытывал непреодолимую потребность говорить, чтобы убедиться, что он не спит и не бредит.

– Но, если это правда, так ведь это же просто умопомрачительно! Ты представляешь себе, полмиллиарда – ведь это огромное богатство!

Марсель поднял голову.

– Да, действительно огромное. Во Франции другого такого, пожалуй, и не сыщешь. Можно насчитать всего лишь несколько обладателей таких состояний в Соединённых Штатах

и пять-шесть в Англии. Словом, на всем земном шаре найдётся не более пятнадцати – двадцати таких богачей.

– Да сверх всего ещё и титул, – продолжал Октав, – титул баронета! Не скажу, чтобы я когда-либо мечтал о титуле, но, раз уж так случилось, должен признаться, что это звучит гораздо приятнее, чем просто Октав Саразен.

Марсель выпустил клуб дыма из своей трубки и не произнёс ни слова, но в этом попытывании звучало такое насмешливое «пфу-пфу», что Октав счёл нужным оправдаться:

– Конечно, мне никогда не пришло бы в голову присочинять всякие там приставки к своему имени или присваивать себе вымышленный титул, но быть законным обладателем настоящего титула, вписанного в книгу пэров Великобритании и Ирландии, это что-нибудь да значит!

Трубка Марселя продолжала выразительно попыхивать.

– Ты можешь сколько угодно возражать, – с жаром воскликнул Октав, – но как-никак дворянская кровь что-нибудь да значит... как говорят англичане!

Но тут он запнулся и, встретив насмешливый взгляд Марселя, быстро перевёл разговор с титула на миллионы.

– А ты помнишь, как наш учитель Бином столько лет подряд вдалбливал нам на уроках арифметики, что полмиллиарда такое большое число, что человеческий разум не мог бы ясно его представить, если бы он не нашёл способа изображать его графически. Подумай только, если бы человек, обладающий полумиллиардом франков, тратил в минуту по франку, то ему понадобилась бы тысяча лет, чтобы истратить всю эту сумму! Нет, знаешь, как-то странно даже чувствовать себя наследником полумиллиарда франков.

– Полмиллиарда франков! – повторил Марсель, потрясённый, по-видимому, больше этой цифрой, чем самим событием. – А знаешь, как вы могли бы лучше всего распорядиться этими деньгами! Отдать их Франции на уплату контрибуции⁸

---

⁸ **Контрибуция** – принудительные платежи, взимаемые государством-победителем с побеждённого государства. В результате франко-прусской войны побеждённая Франция уступила Германии Эльзас и Лотарингию и обязалась выплатить огромную контрибуцию (5 млрд. франков).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.